

IV. Банда разбойников

Нам придётся пропустить захватывающую тему политических пертурбаций в дальнейшей истории Алжира просто потому, что это не может существенно помочь в понимании главного интересующего нас объекта – Сале. Что же касается темы, которую можно обозначить как специфическая этнография или социальная история алжирского пиратства, то мы, конечно же, вернёмся к ней, используя её в качестве компаративного материала при обсуждении, скажем, эротических нравов или экономических порядков среди корсаров на берегах реки Бу-Регрег в Марокко. Но сейчас, прежде чем отправиться на Дальний Запад, мы должны задержаться на ещё одной алжирской теме – на самих ренегатах.

Действительно, значительная часть – а по мнению некоторых, и большинство алжирских капитанов и членов их команд были «иностранцами» того или иного рода. Мавры из Андалусии и мориски из Испании принесли с собой новые технологии в военном снаряжении и артиллерии, многие из них также доказали, что являются опытными мореходами. Сплав «левантийцев» из Восточного Средиземноморья – включая греков, египтян, сирийцев, жителей островов и обычного для каждого порта сброда и черни – участвовали в джихаде в Алжире. Разбойники из числа албанцев и других жителей гор на Балканах и в Османской империи наряду с турецкими отрядами участвовали в морских экспедициях. И разумеется, среди пиратов были и ренегаты из всех стран Европы (в особенности из омываемых Средиземным морем), как добровольцы, так и обращённые пленники:

“ Между 1621 и 1627 годами, как говорят, в корсарской столице пребывало более двадцати тысяч христианских пленников, включая «португальцев, фламандцев, шотландцев, англичан, датчан, ирландцев, венгров, славян, испанцев, французов, итальянцев; а также ещё сирийцы, египтяне, японцы, китайцы, южноамериканцы и эфиопы», что свидетельствует о разноязычной этнической принадлежности морских путешественников тех дней. Записи монахов-редемпционистов[4] об апостасии в той же степени откровенны, хотя и болезненны для апостольского эго. Между 1609 и 1619 годами, по наблюдениям Грамайе, среди ренегатов, добровольно отказавшихся от своей веры ради удобств исповедания ислама, было «857 немцев, 138 гамбургцев, 300 англичан, 130 голландцев и фламандцев, 160 датчан и остзейцев, 250 поляков, венгров и московитов»¹.

Однажды целый отряд испанских солдат обратился в ислам, дабы избежать плена, и впоследствии был, видимо, полностью ассимилирован – как и немногочисленные чёрные африканцы, которые попадали на север с караванами невольников, выкупались на свободу и включались в эту грандиозную корсарскую гонку за богатствами. Евреи, как местные, так и иностранные (включая марранов и конвертадос из Испании, а также другие сефардские группы), во всех варварийских государствах занимались торговлей и финансовыми

операциями и нередко достигали немалого веса в правительственных кругах. Европейские купцы, консулы, монахи и священники-редемпционисты представляли небольшой группой изумлённых зрителей этого экзотического многоцветного объединения разбойников, и по счастью, некоторые из них записали свои впечатления и воспоминания. Сами же пираты не оставили о себе ни единого слова.

Героем и идеалом корсарской лихости был Хайреддин (Хизр) Барбаросса (Рыжебородый), величайший потомок семьи мореходов (вероятно, албанского происхождения, но живших на Лесбосе), впервые появившийся в Западном Средиземноморье в качестве представителя слабеющих египетских мамлюков.

Находясь в Тунисе, он вместе со своими братьями присоединился к маврам из Гренады для участия в набегах на испанские побережья. Они создали собственный вольный флот и продавали свои услуги различным североафриканским правителям; после чего, когда было возможно, они убивали нанимателей и брали под свой контроль город за гордом (Беджаю в 1512 году, Джиджел в 1514 году, Алжир в 1515 году); их штаб-квартирой на некоторое время стал остров Джерба. Примерно в 1518 году, испытав жестокий натиск Испании, Хайреддин обратился за помощью к османскому султану Селиму I («Грозному») и был назначен наместником, или бейлербеем Алжира. Ему наконец удалось в 1529 году изгнать испанцев из их островной крепости в бухте Алжира и захватить Тунис в 1534 году². Султан назначил его адмиралом всего турецкого флота. В этот период у османов было соглашение с Францией, и Барбаросса в качестве союзника совершал свои операции от берегов Прованса. Но сила его была столь велика, что он запретил колокольные звоны церквей (этот звук считается оскорбительным в исламской традиции), пока его флот стоял в порту. Он умер в постели в своём стамбульском дворце, а место бейлербея Алжира унаследовал его сын Хасан Барбаросса. Вот пример настоящего пиратского эпоса – путь от лохмотьев до богатств: такова мечта ренегатов³.

Героем ренегатов следующего поколения был Мурат-реис «Старший», ещё один албанец, прославивший своё имя пленением герцога Сицилии и захватом папской галеры.

“ Однако самой дерзкой его авантюрой была переброска четырёх галиотов через Гибралтарский пролив к Сале, где он объединился с тремя другими пиратскими капитанами и затем вместе с ними атаковал Канары. Корсары захватили остров Лансароте, пленили жену и дочь губернатора, а также сотни менее значительных лиц. После крейсирования вокруг этих островов и ещё нескольких высадок ради новой добычи и пленников, они поднятием флага предложили переговоры и позволили выкупить самых важных узников. Остальных же отвезли в Алжир или Сале и обратили в рабство. Испанцы, предупреждённые о возвращении корсаров, попытались перехватить их в проливе, но Мурат-рейс, воспользовавшись штормом, благополучно ускользнул от армады дона Мартина де Падийи и привёл свою небольшую флотилию в Алжир. Этот дерзкий рейд был тем более дерзким, поскольку галиот не был подходящим для Атлантики судном. Христиане предпочитали считать, что Бог наказал Мурат-рейса смертью его сына как раз перед его возвращением, но эти показания о рейде, данные перед инквизицией, могут быть не совсем верными⁴.

По-видимому, Мурат-рейс инициировал особую «связь с Сале» в Алжире, что привело к появлению уникальной схемы, работавшей на благо обоих городов. Когда Алжир подписывал мирный договор с какой-либо европейской державой – что бывало довольно часто в сложной сети дипломатических интриг в средиземноморском бассейне – то тогда он соглашался не нападать на корабли этой страны – скажем, Англии. В это же время, допустим, у Сале временный мир с Францией, и потому французские корабли оказываются

запретными целями для «разбойников из Сале». Таким образом... когда алжирский корсар приближается к французскому кораблю, он поднимает флаг Сале и тем самым не возбуждает подозрений. Захватив французское судно, он снова поднимает алжирские цвета и возвращается в Алжир (где дозволены французские трофеи), чтобы продать захваченных пленников и груз. А корабль из Сале может проделать тот же трюк с английским судном. Нетрудно представить и дальнейшие последствия такого сотрудничества, в особенности свободное использование кораблями из Алжира и Сале портов друг друга для ремонта, продажи добычи и отдыха.

В этот же период (с 1630-х по 1660-е годы) в Алжире процветало дело Али Бичнина (так было переименовано его изначальное имя Пиченино), а в Марокко была основана Республика Бу-Регрег – это демонстрирует, что та эпоха была настоящим золотым веком варварийских корсаров.

“ Он был итальянцем, по мнению некоторых – венецианцем, по имени Пиччинио, прибывшим в Алжир капитаном пиратского корабля, на котором он отплыл из Адриатики; он принял ислам и благодаря своей удали и храбрости быстро занял выдающееся положение в тайффе. Его трофеи приносили ему средства, а он вкладывал их в новые корсарские суда, пока его собственная флотилия не позволила ему получить титул адмирала Алжира. Он владел двумя дворцами в городе, виллой в пригороде, несколькими тысячами рабов, а также драгоценностями, посудой и множеством дорогих товаров. В Алжире в качестве своего дара городу он построил роскошные общественные бани и соборную мечеть. У него была личная охрана из пеших и конных воинов, набиравшаяся в основном из членов племени куку, чей султан стал его тестем. В 1630-е годы отцы-редемпционисты, писавшие из Алжира, обращались не к паше, а, скорее, к нему, как к настоящему правителю города. Один из его рабов, Фрэнсис Найт, называл его большим «тираном», не уважавшим никого, даже самого Великого Владыку (султана). Однако же не все его невольники считали свою судьбу «чудовищно несчастной», а своего господина – тираном. Одна история повествует о магометанском фанатике, который, желая заслужить себе рай, убив христианина, просил Бичнина о дозволении убить одного из его рабов. Корсар согласился, однако вооружил одного своего мускулистого юношу мечом, а затем предложил своему просителю встретиться с ним в саду; когда же тот бежал, Али Бичнин высмеял его. Другой его раб возвратил ему бриллиант, который «нашёл»; Бичнин отметил недалёковидность такого поступка, ведь он не воспользовался своим шансом получить свободу!

Вероятно, у Али Бичнина были амбициозные планы заполучить контроль над наместничеством. Его альянс с султаном куку, его охрана из сотен солдат, его личный флот, его связи с предводителями кулугли[5] – всё это указывает на политические замыслы. Он потерпел серьёзную неудачу при Валоне, где потерял восемь галер и две тысячи рабов (в этой битве Найт обрёл свою

свободу; он был одним из гребцов на захваченном корабле). Несколькоми годами позже, когда султан планировал нападение на Мальту, Али Бичнин отказался отрядить для этого алжирский флот до тех пор, пока султан не выплатит аванс. Высокая Порта послала в Алжир чауша (посланника или эмиссара) за головой Али Бичнина; но тому вместе с пашой самим пришлось спастись в мечети от ярости приверженцев корсарского адмирала. Однако в этот момент паша отказался платить янычарам жалованье, и их корпус потребовал, чтобы им заплатил Али Бичнин. Он же, скорее всего, не успел подготовить своих людей для переворота. Ему пришлось бежать на земли своего тестя, а янычары разграбили его городские дома, а заодно и еврейский квартал. Что произошло дальше? Высокая Порта явно опасалась, что Али Бичнин может вернуться в Алжир с войском кабиллов; ему были посланы деньги, объявлено прощение и оказаны всевозможные почести за исключением звания паши, но когда он вернулся вместе с чаушем султана в Алжир, то вскоре заболел и скончался. Его похороны прошли с почти что монаршей пышностью, однако многие подозревали, что он был отравлен по приказанию султана⁵.

Андриес ван Эртвельт. Стычка испанцев с варварийскими корсарами. Первая пол. XVII в.

Симон Дансер, или «Старый Плясун», или «Диабло» Рейс, был знаменитым корсаром, который первым (по крайней мере так гласит легенда) научил северо-африканцев отказаться от своих устаревших средиземноморских гребных галер с латинскими парусами и начать ходить на «круглых кораблях», то есть построенных по европейскому образцу двухмачтовых судах (наподобие каравеллы, ставшей знаменитой благодаря Колумбу). Дансер и его товарищ капитан Уорд (с которым мы ещё встретимся позднее) достигли такой известности, что оказались персонажами в пьесе Томаса Деккера «Если эта пьеса не

хороша, то в ней кроется Дьявол» (1612)⁶. Будучи изначально голландцем из Дордрехта,

“ ...Дансер прибыл в Алжир из Марселя, где у него были дом, жена и ремесло судостроителя. Неясно, что заставило его стать ренегатом и обратиться к карьере корсара, но спустя три года после своего появления он стал ведущим рейсом в тайффе и заслужил себе фамилию Де-ли-реис, Капитан Сорвиголова, за свои бесстрашные подвиги. Взяв захваченные суда за образцы, Дансер учил своих братьев-капитанов управлению и навигации круглых кораблей, имеющих высокую палубу, сложное парусное устройство и пушечное вооружение. Лично захватив сорок судов, он присоединил их к корсарскому флоту и, начиная с эпохи Дансера, алжирцы восполняли свои потери, как строя корабли на своих верфях, так и захватывая их в абордажных схватках.

Благодаря Дансеру алжирцы теперь могли заплывать дальше, чем когда-либо прежде. Они проходили через Гибралтарский пролив, пересекали Атлантику и добирались даже на север до Исландии, берега которой корсары опустошили в 1616 году...

По иронии, Дансер, вероятно, оставаясь, по крайней мере, тайным христианином, использовал захват испанского судна, перевозившего десять священников-иезуитов из Валенсии как возможность секретно сообщить двору французского короля Генриха IV о своём намерении вернуться в Марсель, где он оставил свою жену и детей. Французы согласились при условии благополучного возвращения иезуитов, что и было сделано. В 1609 году Дансер воссоединился со своей семьёй и был полностью восстановлен в своих гражданских правах городским советом Марселя. Но бывших корсаров не бывает, служит он христианской Франции или мусульманскому Алжиру, и в 1610 году Дансер высказал королю и членам марсельского совета своё смелое предложение устройства экспедиции против Алжира, которая – учитывая его экстраординарные знания всей изнанки города, – весьма вероятно, привела бы к свержению правления наместничества. К сожалению, французы, сомневаясь в лояльности бывшего корсара, отказались заниматься его проектом⁷.

Однако Старый Плясун действительно оказался *casus belli*[6] для войны между Францией и Алжиром. Похоже что...

“ ...Дансер, в благодарность за великодушное обращение с ним французских властей, подарил герцогу де Гизу, губернатору провинции, две бронзовые пушки, которые, к несчастью для последующих событий, были предоставлены ему во временное пользование правительством Алжира. Разумеется, алжирцы, крайне возмущённые «предательством» Дансера, потребовали возврата этих двух орудий.

Политический кризис развивался медленно, но уверенно. Гиз отказался отдать свои пушки, однако события во Франции, никак не связанные с Дансером, отодвинули начало войны. Генрих IV пал жертвой убийцы, регент Мария Медичи столкнулась с проблемами как в Рейнской области, так и в Париже. Ничего не предпринималось. Именно такого кризиса и ждали алжирские рейсы: французская средиземноморская торговля была обширна, богата и соблазнительна, а с отказом французского короля предоставить возмещение всё это оказалось блестящей возможностью для корсаров⁸.

В конце концов орудия всё же были возвращены в Алжир – возможно, это было самое худшее унижение, которое Франция когда-либо претерпевала от своей будущей колонии.

Мы могли бы продолжать отыскивать имена многих обосновавшихся в Алжире ренегатов и даже названия кораблей, на которых они плавали и которые захватывали, но мы не знаем существенно больше о том, как они жили, а с ещё меньшей вероятностью – об их мыслях и чувствах. Нет нужды говорить, что некоторые из них были мусульманами в лучшем случае лишь по имени и презирались благочестивыми единоверцами за то, что продолжали употреблять алкоголь, сквернословить и «петь, как христиане» даже после своего обращения. Но как быть с тем моряком из Сен-Тропе, вызвавшим дипломатический инцидент, когда французский консул попытался предотвратить его «превращение в турка»? Каковы были его мотивы? Как быть с мечетью и банями Али Бичнина? Это архитектурный памятник циничного лицемерия – или же знак более неоднозначных эмоций, наполовину эгоизма, наполовину чего-то ещё? В конце концов, абсолютная неискренность весьма редка в истории человеческой души. Большинство людей склонны оправдывать свой выбор и свои действия некой апелляцией к идеям и идеалам – и прежде всего, оправдывать эти поступки в своих собственных глазах. Когда своекорыстные интересы и свой воображаемый образ совпадают с идеологической риторикой и целями, то идеологии успешно воспринимаются. Было бы слишком наивно предполагать, что все ренегаты были позёрами и интриганам в макиавеллиевском духе. Куда более убедительно представить, что, по крайней мере, некоторые из них пришли к «вере» там, где они изображали веру.

Неоднозначность ренегатов отражалась даже в языке. Смешение народов в Алжире должно было породить мультязычный кошмар неправильного перевода. Был необходим лингва франка – язык межэтнического общения, и он в самом деле появился под названием франко, язык «франков» (то есть в широком смысле, всех иноземцев из Европы), или сабир (от испанского «знать, понимать»). В этом типичном портовом аргоне смешались арабский, испанский, турецкий, итальянский и провансальский. Если бы параллельный диалект появился в Сале, он мог бы использовать черты арабского, берберского, испано-арабского (языка морисков), а также испанского, португальского, французского и английского языков. «Новые» языки отражают новые и уникальные крупномасштабные явления в обществе; они не просто средства коммуникации, но также и модели мышления, двигатели внутреннего и внешнего опыта говорящих на них, для их нового чувства общности (*communitas*) и их новой (или недавно принятой) идеологии. Франко умер вместе с корсарами, но его призрачное существование говорит о том, что ренегаты стали – пусть неуловимо – «народом», языковой общностью. В благоприятных исторических обстоятельствах *lingua franca* может стать полностью самостоятельным литературным языком, как это случилось с урду или малайским. Но франко так и не дошёл до этого уровня – однако знание о том, что он

существовал, должно поменять наши взгляды на ренегатов. Мы больше не вправе рассматривать их как случайную горстку потерянных отступников. Язык (пусть даже грубый и наскоро собранный) – это культура, или, по крайней мере, верный признак появления культуры.

Версия #1

Зверобой создал 7 августа 2025 05:38:26

Зверобой обновил 7 августа 2025 05:41:51